

В этот миг первой мыслью, возникшей в голове Клейна, было:

- Как и следовало ожидать, Заратул замышлял какую-то уловку.

И сразу после этого Клейн поблагодарил себя за то, что заблаговременно добыл верный символ для открытия дверей из книги записей рода Антигонов. Эта новообретённая уверенность помогала ему не паниковать и не теряться.

Заратул вернул перо и чернильницу в прошлое и поднял голову. Внимательно рассматривая "Германа Воробья" и Панатийю, проговорил со вздохом:

- Все условия выполнены. Теперь можете открывать дверь.

Сказав это, вперил взор в "Германа Воробья" и усмехнулся.

- Не забудьте взять с собой мою урну.

И едва он сказал это, всё его тело вмиг рассыпалось на несметные световые точки и рассеялось вокруг, сливаясь с пустотой, словно он давным-давно истлел и обратился в прах.

А на том месте, где он сидел, осталась жестяная урна, украшенная старинными узорами, довольно обыкновенными на вид, неприметными.

Клейн велел "Герману Воробью" сделать пару шагов вперёд, наклониться и поднять урну. Подняв, понял, что она тяжёлая, содержимое никак не могло оказаться ненастоящим.

Рукой, которой держал пергамент, открыл крышку и увидел, что урна наполнена тусклым серовато-белым порошком, среди которого более крупные частицы.

- И вправду, всего лишь обычный прах? Кто же помог Заратулу с кремацией? Он сам себя кремировал? - закрыв крышку, "Герман Воробей" как бы привычным движением руки, под которой нёс пергамент, вынул из кармана кусочек плоти и проглотил.

Панатийя это заметила и посмотрела на него, прищурившись, как бы спрашивая, что он делает.

Клейн набил рыбой рот марионетки, нарочно как бы перевёл дух и сказал:

- Я немного волнуюсь. Не уверен, действует ли этот символ для открытия дверей.

Панатийя уже убедилась, что ест он обычную рыбу. Хотя это и было довольно неприятно, но этой полубезумной не терпелось различить подробнее. Она перевела взгляд на урну и улыбнулась.

- Если толку от него нет, можем поделить между собой. Мне одной горсти в день хватит надолго.

- Ох, действительно ненормальная эта Демонесса... - Вздыхал про себя Клейн. Пройдя статую ангела-Стирателя, в котором подозревалась Мать Небес, "Герман Воробей" оказался перед стеной.

Тогда он обернулся, показал на вставку и попросил Панатийю:

- Положите этот обсидиан в урну.

Панатийя заулыбалась роскошной улыбкой и со скучающим взглядом сказала:

- Дай мне сначала посмотреть на символ для открытия дверей.

- Нечего меня опасаться. Хотел бы я вправду причинить тебе вред, так сразу же отказался бы от марионетки, и ты не успела бы сбежать из собора. И была бы без всяких сомнений повешена. А когда придёт пора, я бы неторопливо вразвалочку зашёл, забрал бы обсидиан, открыл дверь и ушёл.... Однако же этот символ, что дал Заратул, изрядно морочит. Лучше всего бы мне найти того, кто примет бремя этого всего на себя... - В голове Клейна закружились вихрем мысли, он велел "Герману Воробью" ладонью похлопать по животу и открыть рот.

Наружу устремился бесформенный сгусток плоти и крови, кучка из него выросла и превратилась в прекрасного женственного мистера А.

Увидев это, "Герман Воробей" встряхнул и развернул пергаментный свиток.

Особый символ был начертан вместе с формулой зелья Странного Колдуна, и они отражались в глазах Панатийи и мистера А.

Глаза Панатийи забегали туда-сюда, а потом она улыбнулась кокетливо и сказала:

- Открывайте дверь. Вы выходите первым.

Она убедилась, что "Герман Воробей" ещё помогает ей управлять Нитями Духовного Тела, и потому у неё предостаточно времени на ожидание.

Говоря, она кинула в Клейна уродливой куклой, запятнанной кровью и перевязанной волосами.

– Она тоже боится, что стрясётся что-нибудь... – Велев "Герману Воробью" поймать куклу, Клейн наблюдал, как Демонесса Отчаяния прошагала вперёд и вставила обсидиан в нишу.

Камень и ниша образовали идеальное слияние, ничто не выступало.

Стена стремительно источила свет и постепенно стала прозрачной. Стало видно, что за ней, снаружи, мощёный каменными плитами пол. Были стены с дырами и парящие в воздухе облака

Панатийя шагнула в сторону, а "Герман Воробей", держа куклу, пергамент и урну в левой руке, вытянул вперёд ладонью правую. Затем пальцем, как пером, начертал вертикальный ряд из нескольких тайных символов на прозрачной стене.

В это время Клейн находился перед дилеммой. Сомневался, нарисовать ли ему символ Заратула или символ рода Антигонов.

Хоть Клейн и был уверен, что Заратул весьма непрост и что-то замыслил, но чувствовал, что успокоившись, несколько умалил значимость этой могущественной личности. Если единственной целью Заратула было причинить вред Клейну и с ним всем остальным, то не нужно было ему оговариваться об открытии двери. Клейну только и оставалось, что терпеливо ждать достижения того, к чему стремился.

Более того, поскольку туманный городок полностью отрезал и перекрывал от Клейна ауру серого тумана, невозможно было выяснить, почему Заратул нацелился на Клейна.

Если рассеивание праха было подлинно важной задачей, то отправляться, скорее всего, можно было относительно спокойно. А в общем, опасность поджидала на каждом углу.

И потому, в конце концов, последний рассудил, что целью Заратула было науськать кого-нибудь открыть дверь, чтобы "Он" мог что-то за ней добыть или от чего-то сбежать. Опасности же открытия двери "Он" не брал во внимание.

Это значило и то, что символ для открытия дверей, данный Заратулом, настоящий, и безопасность его гарантирована на пятьдесят процентов.

А с другой стороны, книга рода Антигонов не обязательно была "доброй". По той сцене, что Клейну показали гадания, совершённые над серым туманом, и по сведениям, полученным от Заратула, а также и по тому, что Заратул потерял контроль над собой и сошёл с ума, Клейн в общем определил, что фамильное сокровище Антигонов с главной вершины горного хребта Хорнакис может запросто оказаться приманкой-ловушкой. Ну а были ли какие-то потенциальные риски в той сложной картине, которую показывала книга – это ещё нужно было продумать.

- Тут с одной стороны тигр, с другой волк. Конечный выбор меньшего зла... Да к тому же символ рода Антигонов предназначен для входа в сокровищницу. Это не значит, что его нельзя применять для выхода... - Размышляя, Клейн не переставал чертить, и быстро добрался до той части, где символ отличался.

Тут украдкой взглянул на Панатийю и заметил, что в глазах у неё мелькал огонёк, а на губах - улыбка. Казалось, ей страстно хотелось самой попробовать.

- Она... Если она нормальный старший Зачинщик, она должна уметь контролировать выражение лица... К тому же она сама только что видела символ для открытия дверей... - Сердце у Клейна ёкнуло, и он велел марионетке начертать символ, что дал Заратул.

Вскоре замысловатый глаз с вертикальным зрачком был начертан полностью.

Всё вокруг окутал чистый свет, узор из символов слился, они, наконец, собрались вместе.

Во впечатляющей вспышке света среди стены возникла призрачная двойная дверь. "Герман Воробей" толкнул дверь, и она стала медленно открываться.

За дверью были древние каменные черепицы и изрешеченные выбоинами стены, которые "Герман" и Панатийя видели прежде. Всё было очень тихо, ровным счётом без всяких отклонений.

И тут фигура Панатийи вдруг разлетелась вдребезги, обратившись в осколки зеркала.

Одновременно дама в белоснежной мантии возникла перед "Германом Воробьем" и прошла в дверь.

А в руке у дамы была ещё одна уродливая кукла, запятнанная кровью, с прядью волос, обвязанной вокруг шеи.

Ну а та, которую держал в руке "Герман Воробей", переродилась в стекляшку.

В наведении магических иллюзий Демонессы Отчаяния были на несколько голов выше Клейна.

Пройдя в дверь первой, Панатийя полуобернулась лицом к "Герману", и на лице её появилась безумная, дразнящая улыбка. Из ладони Панатийи взлетели языки чёрного пламени, она подожгла куклу.

В этот миг Панатийя как бы говорила:

- Отчаяние! Погрузись в глубочайшую яму отчаяния как раз тогда, когда забрезжила надежда!

И лишь тогда Клейн понял, что проклятие невозможно с помощью Бумажных Фигурок ни отвести, ни перенести!

Панатийя сразу развернулась, готовясь поскорее покинуть туманный городок и древний собор, боясь, как бы что-нибудь не случилось.

Тут её глаза вдруг застыли.

Тело её рассыпалось, обращаясь в одно зеркало за другим. Но при этом она не могла отдалиться от двери на расстояние более десяти метров.

Через какую-то секунду-две Панатийя резко вскрикнула, её обвивали и связывали в кокон незримые нити и густые чёрные волосы. Весь лик её охватило чёрное пламя, и она покрылась слоями льда.

Вдруг всё это распалось, растворилось. Глаза Демонессы Отчаяния Панатийи источали чистое, глубокое отчаяние и сожаление.

Лицо её тотчас оцепенело, за шею словно схватила незримая рука. Тело Демонессы поднялось в воздух и повисло, глаза стали понемногу закатываться, но выглядела она всё так же безупречно.

Сбоку от двери тело "Германа Воробья" охватили языки чёрного пламени, расплавляя, как воск. Мистер А же, собравшийся был пролететь в дверь, вдруг начал изрыгать свежепроросшие грибы, один за другим. И тело его стало прорастать грибами, словно только что прошёл дождик.

Перед тем, как "Герман Воробей" лишился зрения, вид за дверью приблизился, показалось пустое фойе.

Но нет, оно было не пусто. В воздухе висели ещё трупы, больше, чем прежде. Всех возрастов и полов. На некоторых были изящные одеяния, на некоторых торжественные и пышные, на ком-то старинные, а на ком-то повседневные.

Трупы эти были похожи на висевшие в соборе. Они все, воспарив в воздух, качались туда-сюда, словно играли в грандиозном музыкальном представлении, с точностью передающем лад повседневной жизни и города в подробностях, каким он должен быть!

Клейн заметил, что за этими трупами повешенных виднеется прозрачное склизкое щупальце. Его покрывали замысловатые узоры, полные какого-то тайного значения. Такое кого угодно могло свести с ума.

Несметные щупальца тянулись в глубину фойе, а там стоял громадный древний каменный трон, инкрустированный тусклым золотом и драгоценными камнями.

- Что это... - Клейн напрягся и, не мешкая, закрыл глаза и отрезал связь с марионеткой!

Перед мысленным взором его возникла сцена из предыдущего гадания.

На громадном троне восседали бесчисленные слипшиеся прозрачные личинки-опарыши. Они медленно извивались и привольно росли во все стороны, вытягивая почти невидимые щупальца.

А заключительная картина, отпечатавшаяся в зрении марионетки, показывала сиденье этого древнего трона. Там тихонько, неподвижно стояла карта Таро.

На ней снова был изображён Рассел. На императоре был роскошный головной убор и разноцветные одежды. В руке палка со связанными в кулёк пожитками, словно в долгом пути.

Вид у императора был пророчески-вдохновенный, а рядом с ним сидел щенок. В углу карты сияющими буквами написаны были слова "Последовательность 0: Шут"!

<http://tl.rulate.ru/book/15294/2552727>